

А. И. Рупасов

«Сползающая маска нейтральности».

Советско-шведские отношения
в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

В середине апреля 1949 г. министр иностранных дел А. Я. Вышинский получил запрос от заместителя председателя Совета Министров СССР Л. П. Берии, на который поспешил оперативно ответить. Речь шла о полученном Берией письме шведских журналистов Хелльстрёма и Клинтберга¹. Насколько можно судить по ответу Вышинского, журналисты были обеспокоены низким качеством советской пропаганды в Швеции. Глава внешнеполитического ведомства соглашался с упомянутыми в письме недостатками радиопередач на Швецию, но при этом напоминал, что аналогичные недостатки радиопередач отмечались еще в июне 1948 г. «в составленном шведскими журналистами по просьбе нашего Посольства отзыве о передачах из Москвы на шведском языке, на что было обращено внимание Всесоюзного радиокомитета». Иной была оценка Вышинским публикаций в издававшемся советским посольством на шведском языке журнале «Новости из Советского Союза». Он отмечал, что «журнал дает разнообразную информацию о Советском Союзе и пользуется значительным успехом среди читателей». При этом Вышинский не забыл упомянуть, что один из журналистов, направивших Берии письмо, а именно, Хелльстрём, был в свое время исключен из компартии за растрату партийных средств и пьянство. Учитывая этот факт, а также характер самого письма, глава МИД рекомендовал оставить письмо без ответа².

В данной истории обращает на себя отношение А. Я. Вышинского к качеству пропаганды на Швецию. Едва ли по истечении года были отмечены серьезные недостатки, ситуация изменений не претерпела, и это не вызывало какого-либо беспокойства у министра. Можно предположить, что оценка им состояния двусторонних отношений покоилась на представлении, что направленные на шведское

**Рупасов Александр
Иванович,**
доктор
исторических наук,
ведущий научный
сотрудник,
Санкт-Петербургский
Институт истории
РАН
(Санкт-Петербург,
Россия)

общество советские пропагандистские усилия не способны принести какие-либо плоды. Иными словами, те изменения, которые претерпевала внешняя политика Швеции, не зависели от усилий советской дипломатии — их можно было только учитывать.

К концу 1940-х гг. перечень вопросов в двусторонних отношениях и различий в подходах к разрешению международных проблем, которые вызывали в Москве беспокойство, нарастал лавинообразно. Так, не могло не вызывать раздражения в Москве положительное отношение шведского правительства к призыву не применять членами Совета Безопасности ООН права вето при рассмотрении вопросов о мирном разрешении споров. К наиболее серьезным вопросам относились и такие, как отношение Швеции к Атлантическому пакту, к «плану Маршалла» и «плану Шумана», границы территориальных вод на Балтике, развитие системы экспортного контроля западными державами и др.

Вполне понятно, что особый интерес в Москве вызывала тема Атлантического пакта. В течение 1949 г. в посольстве и в 5-м Европейском отделе МИД был подготовлен ряд документов, посвященных анализу складывавшейся ситуации. Летом сотрудниками посольства в Швеции А. Комаровым и С. Никольским была подготовлена справка «Отношение Швеции к Северо-Атлантическому пакту». В составленной на ее основе «Аннотации» 1-й секретарь 5-го Европейского отдела МИД А. Александров-Агентов приводил заключительный вывод ее авторов, явно разделяя его: «...шведское правительство продолжает проводить враждебную Советскому Союзу внешнюю политику и, прикрываясь разговорами о “нейтралитете”, готовить страну к войне с СССР на стороне США и Англии»³.

Набиравший темпы процесс выстраивания структур Атлантического блока⁴ побуждал советскую дипломатию к постоянному анализу ситуации. В подготовленной в ноябре 1949 г. тем же Александровым-Агентовым справке «Политика Швеции после присоединения Норвегии и Дании к Североатлантическому пакту», внимание фокусировалось на причинах отказа Стокгольма присоединиться к пакту. Эти причины были сформулированы им в следующих тезисах: 1) боязнь негативной реакции со стороны СССР; 2) понимание, что в случае войны Швеция окажется «первым полем сражения и примет на себя первый удар»; 3) неверие в эффективность военной помощи западных стран; 4) популярность нейтралитета в широких массах и надежда на возможность остаться вне вероятного столкновения. В справке также констатировалось, что формальная маска «нейтральности» в отношении Североатлантического пакта все больше сползает с «правителей Швеции»⁵.

Александров-Агентов обращал внимание руководства и на то, что «за последний год гонка вооружений в Швеции приобрела особенно лихорадочные темпы»⁶. «Швеция все более прочно включается в состав только что созданной североевропейской региональной группы Атлантического союза... Непосредственным образом эта задача разрешается путем вовлечения Швеции в т. н. “ограниченное оборонное сотрудничество” с Норвегией и Данией»⁷. Лозунг «ограниченного оборонного сотрудничества», подчеркивал он, был выдвинут

в Швеции политической агентурой англо-американских империалистов после того, как провалилась предпринятая Швецией весной 1949 г. попытка сколотить формально нейтральный скандинавский военный блок. Вместе с тем в документе Александров-Агентов был вынужден признавать, что на такое сотрудничество Швеция все же идет достаточно осторожно, так как «военная выгода от координации обороны со слабыми вооруженными силами Норвегии и Дании не может, конечно, компенсировать шведским политикам потери формального “нейтралитета” Швеции»⁸. В качестве одного из фактов, подтверждающих «сползание маски», указывалось на действия шведской дипломатии в ООН. Шведская делегация в этой международной организации, на что в «Справке» обращалось особое внимание, оставила всякие попытки играть в «независимость» и послушно следует указке США. Так, своим голосованием в октябре 1949 г. за членство в Совете Безопасности представителя «клички Тито» Швеция опередила в угодничестве перед США даже Норвегию и Данию, голосовавших вместе с Англией за кандидатуру Чехословакии⁹.

Вывод, к которому приходил Александров-Агентов, звучал достаточно безапелляционно: «Фактически проводимая шведским правительством политика сводится к тому, чтобы максимально милитаризовать Швецию и превратить ее в удобный плацдарм для агрессии англо-американских империалистов против СССР в случае, если Швеция будет вовлечена в войну... Внешняя политика Швеции приобрела откровенно антисоветский характер... Вместе с тем, отказ Швеции от открытого присоединения к Североатлантическому союзу свидетельствует о некоторых особенностях политики Швеции в отличие, например, от политики Норвегии и Дании»¹⁰. Обращает на себя внимание то, что советский дипломат считал положительным фактором вынужденное сохранение Стокгольмом формального нейтралитета: «Необходимо учитывать, что официальное неучастие Швеции в Атлантическом блоке выгодно для нас постольку, поскольку оно затрудняет открытое использование англо-американцами шведской территории как своей военной базы и в какой-то мере ослабляет авторитет Атлантического пакта, особенно на Севере Европы»¹¹.

В конце декабря 1949 г. в 5-й Европейский отдел МИД поступила составленная вторым секретарем посольства СССР в Швеции С. Никольским пространная записка «Скандинавское сотрудничество после присоединения Норвегии и Дании к североатлантическому пакту». Автор категорично утверждал, что после присоединения соседей Швеции к Североатлантическому пакту, сотрудничество скандинавских стран приобрело еще более реакционный, враждебный Советскому Союзу характер¹². Однако примеры проявления этой реакционности в сфере международной политики сводились им только к упоминанию общности позиции скандинавских стран по вопросу об удалении немецких беженцев из Южного Шлезвига и вступлению Швеции в Европейский совет. Аргументация более чем скромная. От внимания Никольского ускользнули изменения в позиции шведского правительства в германском вопросе: все более заметным становилось дистанцирование от

политических контактов с Восточной Германией и, напротив, стремление к развитию таких с созданной в этом году ФРГ.

Оценка «антисоветской составляющей» внешнеполитического курса шведского правительства для советской стороны покоилась не только на анализе комплекса вопросов, возникших с подписанием договора о создании Атлантического пакта, но также и на анализе участия Швеции в «плане Маршалла». Еще в конце 1948 г. посольством СССР в Швеции была подготовлена справка «“План Маршалла” и экономика Швеции». О ее содержании можно, к сожалению, судить только по аннотации, подготовленной в 5-м Европейском отделе МИД. Исходным тезисом служило следующее положение: «После второй мировой войны Швеция подверглась интенсивному “экономическому наступлению” со стороны США». После присоединения к «плану Маршалла» Швеция была вынуждена подписать 16 апреля 1948 г. «Конвенцию о европейском экономическом сотрудничестве», а 3 июля — «Соглашение об экономическом сотрудничестве между США и Швецией», ставившие, как утверждалось в документе, «шведскую экономику в сильнейшую зависимость от американского капитала»¹³. Результатом этих уступок со стороны Стокгольма стали не только негативные последствия для шведской экономики, но и усиление реакционности внутривнутриполитического курса шведского правительства. Обращает на себя следующее положение автора «Аннотации»: «Из формулировок справки... можно сделать вывод, что правительство и социал-демократическая партия Швеции после войны серьезно намеревались пойти на сближение с СССР и странами народной демократии, а во внутренней политике хотели осуществить радикальные планы “социализации”... С этим согласиться нельзя»¹⁴. Иными словами, политике правительства Швеции в первые послевоенные годы полностью отказывалось в искренности. Такой перенос оценки в прошлое отчасти свидетельствовал о нарастании недовольства Швецией. Характер доступных подготавливавшихся в структурах МИД СССР документов — «справок» — сам по себе объясняет отсутствие в них каких-либо предложений и рекомендаций. Вместе с тем трудно избежать впечатления, что с формулированием таковых возникали в тот период затруднения как в посольстве в Стокгольме, так и в 5-м Европейском отделе МИД. Далее констатации тенденции в изменении внешнеполитических предпочтений шведского правительства дело не шло. Именно эта тенденция, противопоставить развитию которой советская дипломатия фактически ничего не могла, вызвала в Москве раздражение, выливавшееся в публикациях советских изданий.

В 1948 г. была создана Организация европейского экономического сотрудничества для координации проектов экономической реконструкции Европы в рамках «плана Маршалла». Позже, 12 января 1951 г. в Париже в ходе неформальной встречи с министром финансов лейбористского правительства Хью Гайтскеллом заместитель министра иностранных дел Даг Хаммаршельд, фактически отвечавший за внешнеэкономическую политику Швеции в МИДе, дал четко понять, что его правительство хотело видеть Организацию европейского экономического сотрудничества в качестве фокуса западноевропейской экономической коопе-

рации. Такой подход был обусловлен желанием минимизировать риски отказа Швеции от своей официальной внешнеполитической линии. Хотя Хаммаршельд также упоминал о совпадении целей Организации европейского экономического сотрудничества и НАТО, однако вполне можно согласиться с мнением финского историка Юхана Аунеслуома, что замечания Хаммаршельда следует интерпретировать в контексте его и Ундена понимания желательности слияния различных европейских невоенных институтов для того, чтобы удержать Швецию в европейской кооперации и без политических и военных манифестаций¹⁵.

Безусловно, стремление Стокгольма к развитию торгово-экономических связей с Западом было объективно обусловлено. Жертвовать этими связями ради торговли со странами Восточной Европы и СССР не стоило. Торговля Швеции с Советским Союзом и его европейскими союзниками по своим объемам была незначительной (по сравнению с торговыми оборотами, приходившимися на США и Западную Европу) и сбалансированной. В 1950 г. на восточный блок приходилось 406 млн крон импорта (6,7 % шведского импорта) и 412 млн крон экспорта (7,2 % шведского экспорта)¹⁶.

Политика Запада в сфере международной торговли, одной из целей которой являлось отсечение восточного блока от источников получения высоких технологий и высокотехнологического оборудования, стала вызывать серьезную озабоченность в Москве еще с конца 1940-х гг. Одной из попыток преломить ситуацию стало проведение в Москве 3–12 апреля 1952 г. Международной экономической конференции. История этой конференции оказалась почти забытой, хотя в ней приняли участие 450 представителей из 47 стран, в том числе и западноевропейских. Материалы конференции свидетельствовали о том, что идея мирного сосуществования и экономического сотрудничества в 1950-е гг. озвучивалась не только Н. С. Хрущевым, но и И. В. Сталиным¹⁷. Как сообщал в Хельсинки посол Финляндии в Швеции Г. А. Грипенберг, на конференцию, организатором которой являлся бывший посол Польши в США профессор Оскар Ланге¹⁸, были, в частности, приглашены и представители различных шведских фирм и институтов. Среди приглашенных упоминались директор Института конъюнктуры профессор Эрик Лундберг¹⁹, директор Кооперативного союза Альбин Юханссон²⁰, профессора Упсалы Эрик Линдаль²¹, Херман Вольд²² и др.²³ К сожалению, информация о том, имело ли их участие в этой конференции какие-либо последствия для советско-шведских торгово-хозяйственных связей, отсутствует.

Еще весной 1948 г. нажим Лондона и Вашингтона на Стокгольм в вопросах экспортного контроля стал усиливаться. Реакцией на это с шведской стороны стала инициатива о создании Скандинавского оборонительного союза, основанного на принципе нейтралитета. Попытка Швеции удержать Норвегию и Данию вне создаваемого западного оборонительного блока вызвала достаточно резкую реакцию Лондона, позиция которого сводилась к следующему: у Британии нет желания настаивать на более тесной кооперации Швеции с Западом против ее воли, но это не следует истолковывать как позволение Швеции, «сильнейшей

И. С. Чернышев
(посол СССР в Швеции в 1945-1950 гг.)

страны на Севере», оказывать давление на Норвегию и Данию к ослаблению их дружбы с Англией²⁴. Значительно более жесткой была реакция администрации США. В Вашингтоне летом 1948 г. пришли к выводу, что лечить шведскую изоляцию следует изоляцией.

Внешнеполитическим курсом правительства Эрландера были недовольны не только в Лондоне и Вашингтоне, но и в Москве. О недовольстве Советского Союза шведской политикой свидетельствовало как длительное отсутствие посла в Стокгольме²⁵, так и публикации в прессе. Наибольшее количество публикаций появилось в марте в «Новом времени» (1 и 29 марта) и в июне в газете «Красная Звезда» (3, 7, 15, 17 июня). В последней они в основном были посвящены теме углубления сотрудничества Швеции и НАТО. Впрочем, даже, казалось, далекая от этих проблем «Литературная газета» и та 20 мая опубликовала статью «Под флагом нейтралитета». Однако не эти публикации вызывали повышенное внимание в Стокгольме. Задела Ундена

опубликованная 18 января 1950 г. статья в «Известиях», в которой Швеция именовалась фальшивым другом Финляндии, дающим этой стране плохие советы. Эта публикация послужила одним из поводов для беседы, состоявшейся 21 февраля у Э. Ундена с временным поверенным в делах Комаровым. «Мы не даем Финляндии советов относительно ее позиции в политических вопросах, — заявил министр, — Мы можем обмениваться информацией, когда считает это полезным, но мы не даем друг другу советов»²⁶. В Стокгольме также весьма нервно отнеслись к одному из пассажей в речи на заседании Совета Безопасности советского представителя ООН Я. А. Малика при обсуждении американского предложения о направлении в Китай комиссии по расследованию жалобы на бомбардировку китайской территории американцами. В состав комиссии предлагалось включить представителей Швеции и Индии. Малик же сказал, что «свободные народы не могут разрешить американским гауляйтерам и шпионам направляться туда, куда им вздумается»²⁷.

Задержка с назначением нового посла в Швеции вызывала в Стокгольме беспокойство. Начальник Политического отдела МИД Свен Дальман в начале марта 1950 г. специально за-

Контр-адмирал К. К. Родионов и генерал А. П. Кисленко (Лондон, сентябрь 1945 г.)

прашивал Сульмана о причинах. Шведская сторона не знала, что еще 24 февраля Политбюро определилось с кандидатурой нового посла²⁸. Им был назначен контр-адмирал К. К. Родионов, ранее занимавший пост первого заместителя председателя Комитета информации при Совете Министров СССР, созданного в мае 1947 г.²⁹ Сам факт назначения именно Родионова не мог не вызывать в Стокгольме, по крайней мере, вопросов. Хотя Рольф Сульман соглашался с мнением Дальмана, что «русские теперь придают дипломатам относительно подчиненное значение, как рабочему инструменту в международной политике», и поэтому не стоит рассматривать приезд Родионова как выполнение особой миссии, тем не менее, посол счел уместным оговориться: «Вместе с тем, не хочется думать, что выбор его в качестве посла свидетельствует о том, что мы предчувствовали, а именно, что шведско-советским отношениям в силу развивающейся обстановки придается военно-политический характер. Вместе с тем, нельзя не видеть и того, что данный выбор может указывать и на то, что Кремль — во всяком случае, пока — не числит нас среди атлантических государств»³⁰.

Серьезной проблемой для шведской дипломатии оставалась в это время проблема установленных Советским Союзом 12-мильных территориальных вод в Балтийском море,

Тaге Фрiтьoф Эрлaндер

что повлекло ограничения для рыбной ловли и плавания гражданских судов. Конфликты с задержанием шведских судов имели место и ранее — в 1947 г. и в 1948 г. В 1949–1950 гг. их не стало меньше. Так, в январе 1949 г. Сульман был вынужден вручить заместителю министра В. А. Зорину ноту по поводу задержания шведских судов “Hamnfjord” и “Zaima”³¹. 26 мая 1950 г. шведское посольство направило в МИД СССР ноту по поводу задержания 20 февраля шведских судов «Марион» и «Лярикс» «в водах южного Балтийского моря». 17 июня 1950 г. по этому вопросу состоялось совещание в МИД Швеции совместно с представителями другой пострадавшей от задержания судов стороны — Дании. Унден, открывая заседание, посетовал на расплывчатость норм международного права по этой проблеме. Хотя представитель Дании Брюн не испытывал особых надежд по поводу высказываемых советской стороне протестов — простое сотрясение воздуха, не более, — Унден считал это необходимым на будущее, если в настоящий момент не удастся добиться изменения ситуации. В противном случае русские в следующий раз расширят свои территориальные воды еще дальше. Поскольку СССР инкорпорировал бывшие прибалтийские государства, ему следовало напомнить о прежних границах этих республик. Не забыл он в своем выступлении упомянуть и возможность обращения к суду в Гааге и в ООН. В итоге решено было ограничиться направлением ноты, в которой бы указывалось, что Швеция и Дания никогда не признавали права какого-либо государства на Балтике на установление 12-мильных территориальных вод³². Эта нота

была передана в МИД СССР 26 июля. В ней отмечалось, что расширение территориальных вод, по мнению правительства Швеции, «означает вторжение в свободное море, где граждане любой страны имеют право на рыболовство и плавание без вмешательства со стороны других стран»³³. Еще до вручения этой ноты, 14 июля в Финском заливе было задержано очередное шведское судно — “A. R. Råvall”.

Двусторонние отношения переживали к началу 1950-х гг. далеко не лучший период. Однако желание, по крайней мере, не допустить их дальнейшего ухудшения явно имелось и у Эстена Ундена, и у Таге Эрландера. Выступая в ходе внешнеполитических дебатов в риксдаге 22 марта 1950 г., Унден довольно подробно изложил свои взгляды на тему, которая не могла не вызвать интереса в советском посольстве на Виллагатан — шведское государство благополучия как образец для Советского Союза. Глава МИД считал, что образец Швеции способен оказать позитивное влияние на СССР. Складывание типа общества, сочетающего в себе политическую и экономическую демократию, примером которого являлась Швеция, имело значимость и с международной точки зрения. Политическая демократия и государство благополучия, идея которого реализуется в Швеции, не противоречат друг другу, а это, по меньшей мере, ставит под сомнение тезис о неизбежности столкновения капиталистического и коммунистического блоков³⁴.

Помимо участия в «плане Маршалла», у советской дипломатии в конце лета 1950 г. появился еще один вызывающий беспокойство вопрос — отношение шведского правительства к «плану Шумана». 9 мая 1950 г. министр иностранных дел Франции Робер Шуман в своем выступлении предложил поставить точку в соперничестве между Францией и Германией, организовав франко-германское производство угля и стали под управлением высшего руководящего органа, а также подготовить создание экономического сообщества, решения которого были бы обязательны для государств-членов. Этот план представлял собой первый практический шаг на пути европейской интеграции. В данном случае нельзя не согласиться с точкой зрения А. М. Филитова, что «существенным фактором, определившим отрицательное отношение советского руководства к европейской интеграции, было то обстоятельство, что ни один из ее проектантов не предполагал участия в ней Советского Союза, и, более того, такая интеграция означала фактически противопоставление всей, или почти всей, Европы Советскому Союзу»³⁵. В связи с этим заслуживает внимания то, как относилась советская сторона к включению Швеции в интеграционные европейские процессы.

В конце июня 1950 г. посол К. К. Родионов, отвечая на запрос руководства, счел возможным ограничиться только предварительными выводами, поскольку «окончательная судьба плана Шумана, а также точное содержание его остаются пока неизвестными». Для выяснения позиции Швеции, по его мнению, требовалось остановиться на двух основных вопросах: 1) заинтересована ли Швеция в объединении в той или иной форме угольной и сталелитейной промышленности западноевропейских стран, включая Англию,

и 2) заинтересована ли Швеция участвовать в этом объединении, если оно произойдет³⁶. Родионов исходил из того, что «шведская железорудная и металлургическая промышленность не будут целиком зависеть от проектируемого объединения угольной и сталелитейной промышленности западноевропейских стран, так как могли бы найти в случае необходимости иные рынки сбыта для экспорта высококачественной шведской руды и в то же время обеспечить в значительной мере свою потребность в угле за счет импорта его из Польши». Слабым местом шведской экономики он считал потребность ее промышленности в ежегодном импорте 2 млн тонн кокса из Англии или Рура, что и объясняло особый интерес шведского правительства к позиции Лондона в отношении «плана Шумана»³⁷.

Первоначальная реакция шведских промышленников была негативной, сообщал Родионов, поскольку были сильны опасения, что «проектируемый мощный концерн сможет диктовать невыгодные для них цены на импортируемую шведскую руду». Однако позиция официального Стокгольма оказалась иной. Родионов упомянул в связи с этим выступление генерального секретаря МИД Дага Хаммаршельда на закрытой пресс-конференции для политических редакторов стокгольмских газет, на которой тот заявил, что «план Шумана не окажет отрицательного влияния на шведскую экономику», поскольку западноевропейская промышленность не сможет довольствоваться только лотарингской рудой. Кроме того, Хаммаршельд обратил внимание присутствовавших на заинтересованность Швеции в подъеме западногерманской экономики³⁸. Именно интерес Швеции к восстановлению Западной Германии рассматривался в Москве как доказательство неизбежности дрейфа Швеции на Запад³⁹.

В целом Родионов приходил к выводу, что шведские правящие круги не настроены оппозиционно к «плану Шумана». Однако, дав положительный ответ на первый из сформулированных в докладе вопросов, Родионов был склонен дать отрицательный ответ на второй вопрос. Ссылаясь на то же выступление Хаммаршельда, он сообщал, что тот заявил о решении правительства не участвовать в плане, поскольку Швеция в любом случае будет обеспечена рынками сбыта⁴⁰.

Впрочем, Родионов не был склонен категорично настаивать на своей правоте. Он считал, что позиция шведского правительства будет зависеть от позиции Англии и от «размера экономического нажима, который может быть оказан на Швецию со стороны США» (хотя, делал он поправку, экономика Швеции сильнее экономик других «маршаллизованных стран», что, безусловно, будет ограничивать возможности Вашингтона)⁴¹. Коротко говоря, Родионов, не формулируя в сжатой форме отношение Стокгольма к плану Шумана, высказывал фактически ту точку зрения, которая позже оказалась принятой исследователями⁴².

Первоначально относительно спокойное восприятие «плана Шумана» в Москве резко изменилось после парафирования 19 марта 1951 г. договора об образовании Европей-

ского объединения угля и стали. Отношение в этот период к «плану Шумана» советской стороны характеризуют, в частности, две записки, подготовленные в конце марта – начале апреля в Экономическом отделе МИД СССР. В первой, направленной 1 апреля В. А. Зориным В. М. Молотову⁴³, констатировалось, что «план Шумана» «представляет собой план создания сверхмонополистического объединения угольной и металлургической промышленности... под фактическим контролем американских монополий», целью которых является создание в Западной Европе под гегемонией США экономической базы агрессивного Североатлантического блока». При этом подчеркивалось, что «план Шумана» «противоречит коренным интересам стран-участниц, так как подрывает экономическую основу независимости и суверенитета западноевропейских стран». Второй вариант этой же записки был направлен Зориным И. В. Сталину 5 апреля 1951 г. В нем военно-политический аспект «плана Шумана» был дополнительно усилен: «Сами сторонники “плана Шумана” не скрывают военного значения Объединения угольно-металлургической промышленности»⁴⁴. В отличие от первого варианта, второй был дополнен разделом «“План Шумана” противоречит Потсдамскому соглашению».

Несмотря на явное охлаждение в двусторонних отношениях, продолжался рутинный обмен различными делегациями, визиты которых были намечены ранее. Еще в конце апреля 1951 г., оценивая итоги обмена делегациями между СССР и Швецией в 1950 г. и намечая предложения на 1951 г., посол Родионов писал о том, что этот обмен «в известной степени локализовал обычную в шведской печати враждебную Советскому Союзу пропаганду, резко усилил интерес к Советскому Союзу среди широких масс, вызвал большой рост симпатий к нам»⁴⁵. «Большой рост симпатий» масс его руководством, однако, замечен не был. По этой причине направленная в ЦК КПСС в начале мая заведующим 5-м Европейским отделом П. Д. Орловым информация носила менее успокаивающий характер. Речь идет о составленной Ф. М. Мальгиным справке «К вопросу о советско-шведских отношениях в марте 1951 г.». С одной стороны, в ней подчеркивалось, что «изменения в международной обстановке находят некоторое отражение и в области советско-шведских отношений. Враждебная СССР пропаганда со стороны шведской реакции и американско-английского блока затрудняется и достигает все меньших результатов». Однако, с другой, указывалось, что эта пропаганда все же ослабла не настолько, чтобы не заслуживать внимания и отказа от борьбы с ней⁴⁶. Обращая внимание на то, что страны западного блока все чаще используют формы экономического нажима на Швецию, Мальгин сетовал: «...шведские правящие круги не предпринимают серьезных попыток освободиться от экономической зависимости от Запада путем развития, например, товарообмена с СССР и странами народной демократии и предпочитают сохранять торговые связи Швеции с этими странами на прежнем уровне». Автор справки обращал внимание на высказанное в беседе с Родионовым министром Густавом Меллером мнение, что шведское правительство не склонно добиваться каких-либо международных

гарантий своего нейтралитета и не намерено заключать каких-либо двусторонних договоров о ненападении и нейтралитете⁴⁷.

Одна из рекомендаций Мальгина определенно не могла вызвать одобрения руководства МИД. Советский дипломат писал: «...представляется целесообразным провести в одной из наших газет (желательно не в “Известиях” и не в “Правде”) (в осторожной форме)... мысль о том, что военно-политическое сотрудничество Швеции с англо-американским блоком может изменить обстановку на Балтийском театре со всеми вытекающими отсюда последствиями»⁴⁸.

Не способствовали улучшению двусторонних отношений покровительство шведских властей так называемым «прибалтийским беженцам»⁴⁹ и разоблачения шпионивших в пользу Советского Союза шведов. Летом 1951 г. был арестован Эрнст Хильдинг Андерссон, осужденный в конце октября на пожизненное заключение. В следующем году та же участь постигла Юхана Фритьофа Энбума. Общий фон двусторонних отношений не отличался радужными красками. Когда главнокомандующий шведской армией Эренсверд в беседе с военным атташе И. В. Чумаком⁵⁰ затронул тему об обмене военными делегациями, то последний уклонился от ее обсуждения. Занятая атташе позиция получила одобрение у высшего партийного руководства и главы МИД А. Я. Вышинского, направившего Чумаку телеграмму, в которой рекомендовалось не уклоняться от встреч с Эренсвердом, но придерживаться прежней позиции⁵¹.

Общая тональность в советской оценке внешнеполитического курса шведского правительства была негативной. В конце июня 1951 г. первый секретарь посольства А. Каплин в подготовленной им справке «Швеция и “план Маршалла”» писал: «Присоединение Швеции к “плану Маршалла” явилось серьезным политическим шагом, означавшим, что шведское правительство решило оказать поддержку агрессивной внешней политике США». Основные положения справки Каплина сводились к следующему: у Вашингтона появилась возможность установить контроль над экономикой Швеции; за последние три года произошел заметный рост враждебной СССР пропаганды, финансируемой из особых фондов «плана Маршалла»; шведское правительство активно включилось в гонку вооружений; с присоединением Швеции к «плану Маршалла» шведские власти начали саботировать под нажимом американцев выполнение 5-летнего кредитного соглашения с Советским Союзом и приняли новую программу ориентации своей внешней торговли на западноевропейские страны; участие Швеции в «плане Маршалла используется Соединенными Штатами для того, чтобы привлечь Швецию к участию в демилитаризации⁵² Западной Германии»⁵³.

1 июля 1951 г. у шведского премьера Т. Эрландера состоялся обмен мнениями с генеральным секретарем ООН Трюгве Ли. Последний поведал о содержании беседы с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым, основной темой которой был корейский вопрос. Война в Корее⁵⁴ не способствовала усилению симпатий к Советскому Союзу как в среде социал-демократи-

ческой политической элиты, так и других партий Швеции, что повлекло, как неоднократно отмечалось в докладах советского посольства, ужесточение политики в отношении коммунистов. Складывавшаяся в 1951–1952 гг. международная ситуация продиктовала советской дипломатии необходимость изменения прежних оценок шведского нейтралитета. Это было замечено Рольфом Сульманом⁵⁵. Беседа же Трюгве Ли с Эрландером в нашем случае представляет интерес тем, что, по словам генерального секретаря ООН, И. В. Сталин, не скрывая своего недоверия к Западу и излагая свои марксистские взгляды на развитие событий, заметил мимоходом, что Швеция, если что случится, будет врагом СССР⁵⁶.

Развитие структур НАТО, повлекшее создание весной 1951 г. штаб-квартиры блока в Волюсо-Роканкуре под Версалем и регионального Северного командования (AFNORTH), штаб-квартира которого с лета этого года располагалась неподалеку от норвежской столицы — первоначально в Воксенколлен (с 1954 г. — в Колсесе), вызывало обеспокоенность советской стороны. Впрочем, и в Стокгольме относились к этому без восторга, считая, что это провоцирует Москву. Эрландер, без одобрения относившийся в то время к действиям США на внешнеполитической арене, порой характеризовал политику Норвегии, как находящуюся в «рабской зависимости от Америки». В Стокгольме полагали, что норвежская интеграция в НАТО заходит слишком далеко и может привести к роковым последствиям⁵⁷. В июле 1952 г., когда инциденты с обстрелом шведских самолетов над Балтикой советскими истребителями серьезно осложнили советско-шведские отношения, Унден говорил главе норвежского МИД Хальварду Ланге, что, по его мнению, наличие иностранных баз на территории Норвегии и Дании, без сомнения, повлечет обострение политической обстановки. Унден в определенной мере рассчитывал на то, что наличие разногласий по этому вопросу в правительстве Герхардсена скажется на реализации намерений Ланге⁵⁸.

В Москве были осведомлены о стремлении высшего командования Швеции к развитию военных контактов с Норвегией. Быстрое развитие структуры НАТО, изменения в военном планировании операций блока на северо-европейском фланге не могли не создавать основы для заинтересованности военного ведомства Швеции в налаживании контактов с НАТО, поскольку вероятный противник был бы общим. После встречи с норвежским премьером Оскаром Фредриком Торпом в декабре 1951 г. главнокомандующий шведской армией Сведлунд настаивал на том, чтобы Эрландером была отдана директива об ознакомлении шведских военных с разработанными командованием НАТО планами обороны Скандинавии⁵⁹.

Советская дипломатия в этот период не расставалась с мыслью о возможности решения одной из важных задач в регионе — отказа Норвегии и Дании от участия в НАТО, даже, как отмечал Рольф Сульман, «ценой скандинавского оборонительного союза на нейтральной основе». Шведский посол к концу 1951 г. отмечал, что публикации советской прессы о Швеции стали значительно менее агрессивны, чем всего полгода тому назад⁶⁰. Тема датско-норвежского участия в НАТО неизменно фигурировала в беседах сотрудников советского

посольства с чинами шведского МИД. Сдержанное отношение Ундена и некоторых других членов шведского правительства к членству Норвегии и Дании в НАТО и к появлению на их территории военных баз в Москве было известно. Поэтому любые изменения даже в тональности выступлений тех или иных шведских министров вызывали повышенный интерес. Пригласивший 11 апреля на завтрак начальника пресс-бюро МИД Швеции Оле Йодаля⁶¹ секретарь посольства СССР Тарабрин, начавший беседу с вопроса: каким образом его кухарка стала получать по почте русскую эмигрантскую газету, если даже в посольстве не знали ее полного имени, — оказался все же более обеспокоенным содержанием произнесенной Эрландером в Копенгагене речи, в которой тот якобы высказался одобрительно о присоединении Дании и Норвегии к Атлантическому пакту⁶².

Очевидная обеспокоенность советской стороны сближением Швеции с НАТО побудила Рольфа Сульмана обратиться к военно-морскому атташе Швеции капитану второго ранга Харри Энгстрёму⁶³, чтобы проанализировать вопрос о значении Балтийских проливов с точки зрения русских⁶⁴. Энгстрем констатировал актуальность проблемы Балтийских проливов, поскольку в случае «горячей войны» между СССР и Атлантическим блоком, первый может предпринять превентивные меры по оккупации некоторых частей Западной Германии. СССР будет искать способы для закрытия военным судам прохода через проливы. Атташе полагал, что проливы в дальнейшем все больше будут находиться в фокусе Запада и Востока, именно здесь будут проходить силовые линии, и есть риск, что Швеции не удастся остаться в стороне.

Наиболее серьезно повлияли на советско-шведские отношения два инцидента в небе над Балтикой в июне 1952 г. 13 июня над международными водами в Балтийском море был сбит шведский самолет «Douglas DC-3»⁶⁵ с 8 членами экипажа. Примечательно, что за три недели до этого — 26 мая — у посла Сульмана состоялась малоприятная беседа с заместителем министра иностранных дел Зориным, заявившим, что имеются доказательства шведского шпионажа в Советском Союзе, и эти факты можно сделать достоянием гласности⁶⁶. Первоначально к словам Зорина в МИД Швеции отнеслись достаточно спокойно. Но были вынуждены обратиться к содержанию этой беседы несколько позже — при выработке позиции Швеции в связи с обстрелами самолетов над Балтикой.

Спустя три дня после исчезновения DC-3, 16 июня, другой шведский самолет «Catalina», занятый поисками пропавшего DC-3, был обстрелян двумя советскими истребителями⁶⁷. В отличие от первого случая, его экипажу удалось посадить самолет на воду. Экипажу посчастливилось, он был поднят на борт западногерманского судна, шедшего в Хельсинки. В тот же день советскому послу Родионову Эрландер (он в те дни также исполнял обязанности главы МИД, так как Унден был в Риме) вручил ноту протеста. Поздно вечером 17 июня шведскому правительству была передана советская нота протеста в отношении нарушения шведскими самолетом границы в районе о-ва Даго. 19 июня комитет по внешней политике

Швеции (утром Унден прилетел в Стокгольм) обсуждал возможность обращения по поводу этого инцидента в ООН. В полученной в этот день советской ноте протеста утверждалось, что шведский самолет нарушил границу и открыл огонь по преследующему его истребителю. О происшедшем 13 июня стороны, однако, сохраняли молчание. В Стокгольме не имели доказательств, что DC-3 был сбит советскими истребителями, и не знали, имеются ли в распоряжении советской стороны доказательства того, что самолет осуществлял разведывательный полет.

Содержание полученной 19 июня советской ноты позволило Эрландеру сделать вывод, что Советский Союз определенно отступает и не будет стремиться сделать происшедшее вопросом мировой политики. В силу этого Эрландер полагал, что в складывавшейся ситуации позиции Швеции сильны. 1 июля шведская сторона передала очередную ноту, в которой утверждалось, что 16 июня самолет был обстрелян над международными водами, что и DC-3 был также сбит над международными водами. В ноте предлагалась международная процедура для полного выяснения картины происшедшего. Ответ советской стороны поступил только месяц спустя — 16 июля. В нем подтверждалась прежняя версия в отношении инцидента с “Catalina” и отвергались обвинения в отношении DC-3, предложение о международной процедуре отклонялось, поскольку речь шла о нарушении советской границы. Этим дело исчерпано не было — 5 августа последовало направление новой шведской ноты, ответ на которую был получен с большой задержкой — 8 октября. Стороны оставались каждая на своих позициях. И хотя 16 октября Унден поднял эту тему в своем выступлении во время общей дискуссии в ООН, правительство Швеции уклонилось от прямого обращения в эту международную организацию. В беседе с Вышинским в Нью-Йорке в середине ноября 1952 г. Унден сказал советскому министру, что всегда стремился к хорошим отношениям между Швецией и СССР, но серия событий нанесла вред этим отношениям, шведская общественность возмущена. Вышинский в ответ заявил, что советская сторона не причастна к исчезновению DC-3⁶⁸. Более худшими, чем на рубеже 1952–1953 гг., советско-шведские отношения не становились вплоть до начала 1980-х гг., отмечал Магнус Петерссон⁶⁹.

Несмотря на такой исход (окончательная точка была поставлена только в 2003 г.), инциденты с самолетами вызвали предельную озабоченность шведского правительства. Нарушения шведскими разведывательными самолетами советской границы случались и прежде, например, в 1951 г., но тогда в ответ на протесты Москвы приносились официальные извинения. До обстрелов дело тогда не доходило. В 1952 г. разведывательные полеты также осуществлялись не раз. Инциденты лета 1952 г. делали неизбежной постановку вопроса, что скрывается за таким образом действий советской стороны. Эрландер не исключал того, что возможен кризис в советско-шведских отношениях. В телефонном разговоре с Дагом Хаммаршельдом⁷⁰ он, как и собеседник, учитывал вероятность наличия у советской стороны если не сведений, то подозрений в отношении осуществления в этом районе Балтики

разведывательных полетов шведскими самолетами⁷¹. В таком случае, в советских действиях можно было усмотреть попытку положить предел этим разведывательным полетам. Однако осуществлявшиеся ранее подобные полеты обходились без инцидентов. В связи с этим, как замечал М. Карлссон, вставал вопрос о том, имел ли значение выбор момента, если такая цель ставилась? Если русские хотели подать определенный сигнал, то именно ответ на этот вопрос имел особое значение. Иными словами, знали или нет в Москве о том, что еще в середине марта Госдепартамент США сообщил американскому послу в Стокгольм, что в соответствии с решением от 28 февраля Швеция имеет право приобретать военные материалы в США⁷² и что во время апрельской поездки Эрландера в США обсуждалось соглашение, фактически дававшее Швеции статус члена НАТО при закупках военных материалов в США (после обмена нотами 30 июня и 1 июля 1952 г. соглашение об условиях, на которых Швеция могла приобретать вооружение, военные материалы и услуги, вступило в силу⁷³). Эрландер во время своей американской поездки, как следует из его дневника, был озабочен тем, чтобы эвентуальное соглашение с американцами «ни при каких обстоятельствах» не выглядело как результат его поездки в США⁷⁴.

Не стоит также забывать, что накал страстей, спровоцированный инцидентами со шведскими самолетами, по времени совпал с началом проведения так называемого шпионского процесса по делу Юхана Фритьофа Энбума⁷⁵.

Охлаждение в советско-шведских отношениях в 1951–1952 гг. становится в это время заметным и стороннему наблюдателю. Президент Финляндии Ю. К. Паасикиви 20 июня 1952 г. особо отметил информацию посла Г. Грипенберга: отношение советского правительства к северным странам изменилось, к Швеции в Советском Союзе испытывают раздражение, испытывают подозрения к ее политике, особенно после визита Эрландера в США⁷⁶. Инцидент с “Catalina” породил хождение в Швеции различных слухов, об одном из которых У. К. Кекконен в конце августа рассказал Паасикиви: Советский Союз якобы предложит Финляндии Карелию в обмен на Северную Финляндию, тем самым у Швеции будет общая граница с СССР, чего в Стокгольме опасаются, однако считают, что советская сторона намеренно сама распространяет этот слух с целью предотвратить обращение шведского правительства в ООН по поводу сбитого самолета⁷⁷.

В действительности подобные слухи получили хождение еще в начале июня, то есть незадолго до инцидентов с самолетами. В Швеции некоторые находили, что имеется определенная взаимосвязь между появлением слухов и обстрелами самолетов⁷⁸. В начале сентября главнокомандующий Нильс Сведлунд получил сведения от норвежского посла Биргера Мартина Бергерсена, что финны продадут район восточнее озера Инари. Сведлунд, передавая информацию Хаммаршельду, указал на то, что у советской стороны в этом случае может появиться возможность перемещения военно-воздушных баз к норвежской границе⁷⁹. Анализируя ситуацию в начале июля, Сульман подчеркивал, что Север на пути к тому,

чтобы стать в глазах русских более серьезной проблемой, чем прежде. При этом он остался неизменен в своем мнении, что действия русских в вопросе об обмене территориями определяются исключительно оборонительными мотивами.

Так или иначе, но «финляндский фактор» оказался одной из тех причин, по которым правительство Швеции сочло желательным избежать эскалации конфликта с Москвой, и в конечном итоге привело к отказу от постановки вопроса в ООН. От этого Ундена предостерегал в августе 1952 г. и глава финского МИД Сакари Туомиоя⁸⁰. Тема возможного появления на территории Финляндии советских военно-воздушных баз сохранялась в повестке дня и в 1953 г. Сведлунд и начальник штаба обороны Окерман 1 марта 1953 г. обсуждали эту проблему с Унденом. Считалось, что из появления американских баз на территории Норвегии логично вытекает предположение об ответном ходе русских. Специально выяснявший этот вопрос военный атташе Швеции в Финляндии Эрик Граль приходил, однако, к выводу, что у ходивших относительно баз слухов нет оснований⁸¹.

Отчасти нельзя не согласиться с Кристером Валбеком, что к 1953 г. Север Европы относился к тем регионам, которые характеризовались относительно низким напряжением, а проведенные в 1952 г. в Хельсинки Олимпийские игры служили своего рода доказательством выживания Финляндии в качестве демократического государства, что для Швеции было исключительно важным фактором. Ограниченное военное присутствие великих держав на Севере и внеблоковая политика Швеции означали, с точки зрения официального Стокгольма, что линия обостренной конфронтации не дотянется до Скандинавии. По мнению Валбека, данное в конце марта 1953 г. согласие советской стороны на избрание генеральным секретарем ООН заместителя министра иностранных дел Швеции Дага Хаммаршельда, активно выступавшего за сотрудничество с Западом в вопросах безопасности, о чем хорошо знали в Москве, являлось жестом доброй воли⁸².

Жест доброй воли отнюдь не означал, что в Москве предавались благостной эйфории при оценке внешнеполитического курса Швеции. К началу 1953 г. для советской стороны было очевидным, что «маска нейтральности» не то что сползает с лица «шведских правителей», а то, что ее на лице уже нет. В свою очередь, в Стокгольме не испытывали каких-либо надежд на возможность сколько-нибудь заметных перемен во внешней политике Советского Союза, которые могли способствовать снижению напряженности в мире. В разгар в СССР известного «дела врачей» Эрландер сделал в своем дневнике примечательную запись: «16.1.1953. Не могу избавиться от впечатления о преследованиях евреев в России. Это подготовка к войне или признак слабости? К сожалению, первое. Это не означает, что русские подготавливают наступательную войну. Им нужно поднять националистическую истерию, если они ожидают нападения. И хуже всего, что они могут пойти в атаку, чтобы предотвратить нападение... В этой перспективе становится еще более значимым, чем прежде, то, что мы не делаем вещей, которые могут создать у русских впечатление, что и мы считаем войну неизбежной»⁸³.

Судя по всему, в Стокгольме не придали особого значения содержанию речи секретаря партии Г. М. Маленкова на открывшемся 5 октября 1952 г. XIX съезде ВКП(б), хотя его выступление в определенной степени было знаковым. Между тем, делая отчетный доклад (кстати, вместо Сталина), Маленков особо подчеркнул, что «советская политика мира и безопасности народов исходит из того, что мирное сосуществование капитализма и коммунизма вполне возможны», что третья мировая война не является неизбежной, поскольку существует перспектива сохранения мира⁸⁴.

¹ Карл Клинтберг (1897–?) — шведский коммунист. Что касается Хеллстрема, то не ясно, о ком идет речь — об Акселе Хеллстрёме или Альберте Хеллстреме. И тот и другой были членами компартии до 1929 г., затем стали по партийной принадлежности социалистами, однако уже к 1940 г., судя по всему, были беспартийными.

² Письмо А. Я. Вышинского Л. П. Берии, 12.4.1949 // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 07. Оп. 22. П. 42. Д. 365. Л. 1.

³ А. Александров. Аннотация справки «Отношение Швеции к Северо-Атлантическому пакту», 2.8.1949 // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 40–д. п. 158. Д. 1. Л. 82.

⁴ Договор вступил в силу 24 августа 1949 г. 17 сентября на первом заседании Совета НАТО был создан Комитет обороны на уровне министров обороны стран-участниц. 1 декабря 1949 г. министры обороны государств-членов НАТО одобрили первую стратегическую концепцию организации, а в январе 1950 г. она получила одобрение Совета НАТО.

⁵ А. Александров. Политика Швеции после присоединения Норвегии и Дании к Североатлантическому пакту, 12.11.1949 // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 40–д. П. 158. Д. 1. Л. 91.

⁶ Там же. Л. 94.

⁷ Там же. Л. 97.

⁸ Там же. Л. 98.

⁹ Там же. Л. 101.

¹⁰ Там же. Л. 107.

¹¹ Там же. Л. 108.

¹² С. Никольский. Скандинавское сотрудничество после присоединения Норвегии и Дании к североатлантическому пакту, конец декабря 1949 г. // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 40–д. П. 158. Д. 1. Л. 110.

¹³ А. Александров. Аннотация справки посольства СССР в Швеции «План Маршалла и экономика Швеции» // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 39–г. П. 185а. Д. 2. Л. 31.

¹⁴ Там же. Л. 33.

¹⁵ *Aunesluoma J.* Britain, Sweden and the Cold War, 1945–1954. Understanding Neutrality. New York; Oxford, 2003. P. 44.

¹⁶ *Nilson B.* Undéns tredje väg: Sverige i det kalla kriget, 1950–1952 // Scandia. 1994. Bd 60. N. 1. S. 76.

¹⁷ *Lipkin M.* Moscow Economic Conference of April 1952: An early bid for peaceful coexistence or ideological warfare? — URL: <http://www.helsinki.fi/aleksanteri/conference2009/abstracts/lipkin.htm> (дата обращения: 29.12.13)

¹⁸ Оскар Ланге (1904–1965) — польский экономист и политический деятель, в 1938–1945 гг. профессор Чикагского университета, один из организаторов Американско-польского совета труда; в 1945–1947 гг. посол Польши в США, в 1952–1955 гг. ректор Главной школы планирования и статистики.

¹⁹ Эрик Филип Лундберг (1907–1987) — шведский экономист, профессор политической экономии Стокгольмского университета; в 1944 г. возглавил Институт конъюнктуры (Konjunkturinstitutet).

²⁰ Альбин Юханссон (1886–1968) — директор-распорядитель и председатель Кооперативного союза (1924–1959).

²¹ Эрик Роберт Линдаль (1891–1960) — профессор университета Упсалы в 1942–1958 гг.

²² Херман Оле Андреас Вольд (1908–1992) — специалист в области математических методов экономики, профессор статистики университета Упсалы в 1942–1970 гг.

²³ Tukholmassa oleva lähetystö raportti N 2/1959, 15.1.1952 // Ulkoasiainministeriön arkisto (Helsinki). 5c2.

²⁴ Juhana Aunesluoma. Britain, Sweden and the Cold War, 1945–1954. P. 63.

²⁵ По причине болезни Чернышев находился в Москве. Абрамов, который должен был стать его преемником, также был болен. Еще 30 сентября 1949 г. А. А. Громыко поставил в известность поверенного в делах Швеции в СССР Э. Крунвалля, что Чернышев отзывается из Стокгольма, и запросил агреман для Абрамова. 21 октября шведская сторона сообщила, что агреман Абрамову предоставлен. Рольф Сульман в одном из своих писем, отмечая, что Чернышев сам, пожалуй, хотел оставить работу в Стокгольме, подчеркивал, что внешне тот, как и Абрамов, действительно выглядел больным, и предлагал не видеть иных причин длительного отсутствия советского посла в Стокгольме. — Rolf Sohlman till Lindh, 10.3.1950 // Riksarkivet. UD. 1920 års dossiensystem. HP 1. Vol. 533.

²⁶ Ö. Undén. Pro memoria, 27.2.1950 // UD. 1920 års dossiensystem. HP 1. Vol. 533.

²⁷ А. Б. Богомолов. Прием Р. Сульмана, 14.9.1950 // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 41. П. 160. Д. 9. Л. 21.

²⁸ Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 24.2.1950, п. 90 // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1080. Л. 20.

²⁹ При Комитете осенью 1948 г. была создана Высшая разведывательная школа. Хотя уже в 1948 г. статус Комитета был понижен (он стал комитетом при МИД СССР), однако сфера его компетенции оставалась довольно широкой.

³⁰ Rolf Sohlman till Sven Dahlman, 10.3.1950 // UD. 1920 års dossiensystem. HP 1. Vol. 533.

³¹ В. А. Зорин. Прием посла Р. Сульмана, 13.1.1949 // АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 40. П. 155. Д. 5. Л. 1.

³² Pro memoria angående sammanträde i utrikesdepartamentet den 17 juni 1950 rörande frågan om det ryska territorialvattnets utsträckning m.m. // UD. 1920 års dossiensystem. HP 52. Vol. 1958.

³³ Текст ноты от 26.7.1950 г. // UD. 1920 års dossiensystem. HP 52. Vol. 1958. — Обстоятельный доклад по проблеме территориальных вод за 1950 г. был подготовлен советником посольства Швеции в СССР Эриком Крунваллем. — Erik Kronvall. Årsrapport 1950 // UD. 1920 års dossiensystem. HP 1. Vol. 536.

³⁴ Ottosson S. Svensk självbild under kalla kriget. En studie av stats- och utrikesministrarnas 1950–1989. Stockholm: Utrikespolitiska Institutet, 2003. S. 24.

³⁵ А. М. Филитов. Советское руководство и европейская интеграция (40-е – начало 50-х годов) // Мир истории. 2002. № 6.

³⁶ Доклад К. К. Родионова А. Я. Вышинскому, 28.6.1950 // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23. П. 54. Д. 414. Л. 1.

³⁷ Там же. Л. 3.

³⁸ Там же. Л. 4.

³⁹ В конце марта следующего года посол Родионов затронул в беседе с Унденом тему установления дипломатических отношений Швеции с Восточной Германией, доказывая, что тем самым Стокгольм будет способствовать восстановлению политического баланса. Унден отверг это предложение, объясняя свою позицию тем,

что восточногерманское правительство не было сформировано в результате свободных выборов и находится в полной зависимости от СССР. Попытки восточногерманского правительства Отто Гротеволья использовать паромную переправу Треллеборг–Засниц, в функционировании которой была заинтересована шведская сторона, для оказания давления на Стокгольм в вопросе о дипломатическом признании ГДР, оказались неудачными, хотя новые паромные линии между Скандинавией и ФРГ (землей Шлезвиг-Гольштейн) стали функционировать только в 1960-е гг. — *Muschik A.* Headed towards the West. Swedish neutrality and the German question, 1949–1972 // *Contemporary European History*. 2006. 15. 4. P. 523.

⁴⁰ Доклад К. К. Родионова А. Я. Вышинскому, 28.6.1950. // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23. П. 54. Д. 414. Л. 5.

⁴¹ Там же. Л. 7.

⁴² Так, например, Якоб Густавссон считает, что в послевоенный период Швеция стремилась к достижению двух основных внешнеполитических целей: участию в международных институтах при сохранении возможно большей самостоятельности. — *Gustavsson J.* The politics of Foreign Policy Change. Explaining the Swedish Reorientation on EC Membership. Lund, 1998. P. 29.

⁴³ Письмо В. А. Зорина В. М. Молотову, 1.4.1951 // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 26. П. 42. Д. 37. Л. 1; А. О. Арутюнян. Краткая записка о «плане Шумана» // Там же. Л. 2–8. — Амазасп Овакимович (Авакимович) Арутюнян (1902–1971) — в 1948–1954 гг. начальник Экономического отдела МИД СССР.

⁴⁴ Письмо В. А. Зорина И. В. Сталину, 5.4.1951 // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 26. П. 42. Д. 37. Л. 9; А. Арутюнян. Краткая записка о «плане Шумана», 4.4.1950 // Там же. Л. 10–18.

⁴⁵ Сообщение К. К. Родионова в ЦК КПСС (В. Г. Григорьяну), 28.4.1951 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 715. Л. 38.

⁴⁶ Вне поля зрения советских дипломатов оказалась такая форма пропаганды, как фильмы, снимавшиеся по заказу Местной гражданской обороны (находилась в прямом подчинении Министерству внутренних дел). В ряде случаев эта структура сотрудничала с Центральным комитетом организации «Народ и оборона» (Centralkommittén Folk ock försvar), особо рьяно включившейся в начале 1950-х годов в борьбу со шпионажем и саботажем. Так, в 1952 г. был снят фильм “Sabotage”, события в котором происходили в вымышленном городе Очепинге. В нем действовали агенты страны Сабонием. Фильм предупреждал: иностранные агенты уже действуют в Швеции, одно единственное вылетевшее слово может повлечь неожиданные последствия. — *Norén F.* Filmen i statens tjänst. Civilförsvarsstyrelsens filmaktiviteter under kallkrigsåren 1949–1952 // *Historisk tidskrift*. 2012. N 1. S. 37–38.

⁴⁷ Записка П. Д. Орлова В. Г. Григорьяну, 5.5.1951; Копия выписки из справки Ф. М. Мальгина «К вопросу о советско-шведских отношениях в марте 1951 г.» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 715. Л. 49.

⁴⁸ Там же. Л. 50. — Мальгин рекомендовал разоблачать политику отдельных шведских министров, указывая, что «тактически нецелесообразно ограничиваться разоблачениями по адресу такого, например, члена правительства, как Густав Мёллер, который в настоящее время занимает по отношению к СССР несколько менее враждебную позицию, чем многие другие министры». Однако только его в своей статье «Янки в Скандинавии» (журнал «Звезда», 1951. № 1. С. 132–140) В. Дружинин называл социал-фашистом.

⁴⁹ См., например, памятную записку Свена Дальмана с информацией о беседе с советским послом Родионовым 29 июня 1950 г. // UD. 1920 års dossiersystem. NP 1. Vol. 534. — Весной 1951 г. уполномоченный Совета Министров СССР по делам репатриации генерал-полковник И. В. Смородинов докладывал в ЦК ВКП(б), что в Швеции на положении перемещенных лиц находятся свыше 27 000 граждан СССР (в том числе 18 500 эстонцев, 4000 латышей). А поскольку буржуазная печать начала кампанию за массовый прием их в подданство Швеции, то генерал предлагал усилить среди этих лиц советскую пропаганду. — Записка И. В. Смородинова М. А. Суслову, 10.3.1951 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 464. Л. 3. — Политическая активность прибалтийских диаспор в Швеции вызывала пристальное внимание советской стороны. Так, в августе 1952 г., председателю внешнеполитической

комиссии ЦК КПСС В. Г. Григорьяну была направлена подготовленная в посольстве копия одного из разделов «Отчета о проделанной работе по репатриации за 2-й квартал 1952 г.», в котором сообщалось о возобновлении деятельности так называемой Латышской социал-демократической рабочей партии после приезда в Швецию в 1945 г. из Штуттофского концентрационного лагеря Бруно Калниньша, в 1947 г. ставшего председателем этой партии, а в августе 1951 г. избранного в «Совет восточно-европейской социал-демократической унии в Лондоне». — Записка А. Плахина В. Г. Григорьяну, 30.8.1952 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 941. Л. 169–171.

⁵⁰ Иван Васильевич Чумак (1910–?) — военный и военно-воздушный атташе при посольстве СССР в Швеции в 1950–1954 гг.

⁵¹ Протокол заседания Президиума ЦК КПСС № 84 (особый № 83) за 8.10–10.12.1951 // РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 162. Д. 47. Л. 40. — Вышинский по этому вопросу направил Сталину докладную записку, в которой, перечисляя совершенные в последнее время визиты военных кораблей и подводных лодок западных держав в Швецию, оценивал предложение Эренсверда как выполнение поручения шведского правительства по зондажу возможности обмена военными делегациями с Советским Союзом ради успокоения общественного мнения, негативно отнесшегося к англо-американским военно-морским визитам. — *Petersson B. Med Moskvas ögon. Bedömningar av svensk utrikespolitik under Stalin och Chrusjtjov.* 62–63.

⁵² Должно быть — ремилитаризации.

⁵³ Письмо К. К. Родионова П. Д. Орлову; справка «Швеция и “план Маршалла”», 28.6.1951 // АВР РФ. Ф. 0140. Оп. 42. П. 167. Д. 22. Л. 3, 5–6, 8.

⁵⁴ Если в межвоенную эпоху советская дипломатия прикладывала неимоверные усилия, чтобы Лигой наций была выработана общепризнанная формула определения агрессора, то события в Корее побудили ее быть предельной осторожной в этом вопросе. В сентябре 1952 г. советская делегация на VII сессии Генеральной ассамблеи ООН получила указание не проявлять активности по вопросу об определении понятия «агрессия» и не возражать против предложения отложить вопрос до следующей сессии, если такое предложение будет внесено. — Протокол заседания Президиума ЦК КПСС № 89 (особый № 88), п. 319 (решение от 29.9.1952) // РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 162. Д. 48. Л. 163.

⁵⁵ Rolf Sohlman till Ö. Undén, 28.6.1952 // UD. 1920 års dossiensystem. HP 1. Vol. 540.

⁵⁶ *Kronvall O. Östen Undéns sovjetsyn och sovjetpolitik 1945–1962 / Forskningsprogrammet Serige under kalla kriget. Arbetsreport nr 13. Stockholm, 2003. S. 62.*

⁵⁷ *Petersson M. “Brödrafolkens väl”. Svensk-norska säkerhetsrelationer 1949–1969. Stockholm, 2003. S. 58–59.*

⁵⁸ *Ibid.* S. 61–62.

⁵⁹ *Om kriget kommit... Förberedelser för mottagande av militärt bistånd 1949–1969 / Statens offentliga utredningar 1994:11. S. 153.*

⁶⁰ Rolf Sohlman till t.f. Chefen för UD Dag Hammarskjöld, 16.12.1951 // RA. UD. 1920 års dossiensystem. HP 1. Vol. 540.

⁶¹ Оле Йодаль (1910–1982) — пресс-атташе посольства Швеции в Москве (1945–1948), шеф пресс-бюро МИД Швеции (1948–1953), позже был послом в Югославии и ФРГ.

⁶² Ole Jödahl. Pro memoria, 11.4.1951 // RA.UD. 1920 års dossiensystem. HP 1. Vol. 537.

⁶³ Харри Энгстрём (1909–?) — военно-морской атташе Швеции в Москве (1949–1953).

⁶⁴ К.Н.А. Engström. V.P.M. angående Östersjöinloppens betydelse ur rysk synpunkt, 15.2.1951 // RA. UD. 1920 års dossiensystem. HP 1. Vol. 537.

⁶⁵ Речь идет о самолете Тр-79, бортовой номер 79001. В распоряжении Швеции было два таких самолета с американской аппаратурой (“Hugin” и “Munin” — по именам воронов бога Одина), предназначенных для ведения радиоразведки (в некоторых случаях и для фотографирования), приобретенных Швецией в 1949 г.

⁶⁶ *Kronvall O.* Östen Undéns sovjetsyn och sovjetpolitik 1945–1962. S. 62. — Осуществление этой угрозы затянулось на пять лет.

⁶⁷ Хронология событий и их интерпретация кратко, но достаточно исчерпывающе, представлена в статье: *Karlsson M.* Catalina-affären 1952. Crismart, 2009. S. 1–22. — «Схема полета цели № 303 и самолета МИГ-15 в период с 12.15 до 13.44 13.6.1952» была опубликована в: *Agrell W.* Fred och fruktan. Sveriges säkerhetspolitiska historia 1918–2000. Lund, 2000. S. 115.

⁶⁸ *Petersson M.* Svensk-sovjetiska säkerhetspolitiska relationer 1945–1960 — En översikt // Att skåda Sovjetunionen i vitögat. Sex studier kring svenska relationer till Sovjetunionen under det kalla kriget. Stockholm, 2004. S. 36.

⁶⁹ *Ibid.* S. 37.

⁷⁰ В 1951 г. Хаммаршельд вошел в состав правительства в качестве министра без портфеля, фактически являясь заместителем министра иностранных дел.

⁷¹ *Tage Erlander.* Dagböcker 1952. Utgivna av Sven Erlander. Gidlunds Förlag, 2002. S. 104.

Много лет спустя в интервью Арвиду Лагеркрантцу Эрландер, признавая, что полеты “Douglas DC-3” осуществлялись в разведывательных целях и оправдывая их международной ситуацией, подчеркивал, что они осуществлялись над международными водами, и Швеция имела полное право так поступать. — *Ekecrantz S.* Hemlig utrikespolitik. S. 188–189.

⁷² *Nilson B.* Undéns tredje vag: Sverige i det kalla kriget, 1950–1952 // Scandia. 1994. Bd 60. H. 1. S. 83.

⁷³ *Om kriget kommit... Förberedelser för mottagande av militärt bistånd 1949–1969.* Stockholm, 1994. S. 130.

⁷⁴ *Tage Erlander.* Dagböcker 1952. S. 71. — В конце апреля у посла К. К. Родионова состоялась беседа с министром коммуникаций Свенном Андерссоном. Темой была встреча Эрландера с Трумэнном и госсекретарем Дином Ачесоном. Президент и госсекретарь, по словам Андерссона, не упоминали о желательности изменения внешнеполитической линии Швеции. На вопрос Родионова, не означает ли это удовлетворенность американцев шведской политикой, собеседник ответил, что, в общем, шведская политика не противоречит интересам американцев, однако Швеция сохраняет свою политику свободы от союзов. — *Petersson B.* Med Moskvas ögon. Bedömningar av svensk utrikespolitik under Stalin och Chrusjtjov. S. 56–57.

⁷⁵ Подробнее о процессе Энбума см., например: *Johansson G.* SÄPO-metoder, tjalare och mytomaner. Bo Cefors boförlag, 1968.

⁷⁶ *J. K. Paasikiven päiväkirjat. 1944–1956. Toinen osa. 25.4.1949—10.4.1956.* Helsinki, WSOY, 1986. S. 285. — Имелась в виду поездка Эрландера в апреле 1952 г. Тема обмена территорий была затронута в беседе с Гриппенбергом Арне Лундбергом, генеральным секретарем МИД Швеции, 14 июня.

⁷⁷ *Ibid.* S. 296.

⁷⁸ *Kronvall O.* Den bräckliga barriären. Finland i svensk säkerhetspolitik 1948–1962. Stockholm: Elanders Gotab, 2003. S. 167.

⁷⁹ *Ibid.* S. 168.

⁸⁰ *Ibid.* S. 171.

⁸¹ *Ibid.* S. 176.

⁸² *Wahlbäck K.* Khrushchev and Swedish Foreign Policy, 1953–1964 // Peaceful Coexistence? Soviet Union and Sweden in the Khrushchev Era. Ed. by H. Carlbäck, A. Komarov, K. Molin / Baltic and East European Studies 10. P. 126, 128.

⁸³ *Tage Erlander.* Dagböcker 1953. Utgivna av Sven Erlander. Gidlunds Förlag, 2003. S. 14.

⁸⁴ *Маленков Г. М.* Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). М., 1952. С. 24–32.

УДК 94(47).084.9 + 94(485)

Рупасов А. И. «Сползающая маска нейтральности». Советско-шведские отношения в конце 1940-х – начале 1950-х гг. // Новейшая история России. 2014. № 1 (09). С. 157–180.

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается комплекс причин, обусловивших постепенное ухудшение советско-шведских отношений в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Краткий период потепления в двусторонних отношениях (1945–1946 гг.), обусловленный, прежде всего, политикой «наведения мостов» социал-демократического правительства Швеции, сменился продолжительным периодом охлаждения. Резкую реакцию Москвы вызвали позиция шведской делегации в ООН по ряду острых международных проблем (в том числе инициатива Швеции, обращенная к членам Совета безопасности, отказаться от своего права вето в процессе мирного разрешения споров), отношение Швеции к переговорам о создании НАТО, к «плану Маршалла» и «плану Шумана», ее инициатива с созданием нейтрального Скандинавского оборонительного союза, непризнание установленных Советским Союзом в Балтийском море расширенных границ территориальных вод, отношение кабинета Tage Эрландера к создаваемой системе контроля за экспортом товаров двойного назначения (CoCom) и поддержка им эстонской и латвийской диаспор. Основной тезис советских аналитических материалов в рассматриваемый период сводился к тому, что правительство Швеции проводит враждебную Советскому Союзу политику, подготавливая страну к возможной войне с ним на стороне Запада, хотя и заверяет в неизменном следовании политике прежней нейтралитета. При этом в Москве сознавали, что не располагают каким-либо арсеналом средств, способным повлиять на внешнеполитический курс шведского правительства, и в силу этого вынуждены лишь учитывать реальность и исходить из нее.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Швеция, Скандинавия, Советский Союз, Балтика, международные отношения, внешняя торговля, Tage Эрландер, Э. Унден, В. М. Молотов, А. Я. Вышинский, Г. М. Маленков, Р. Сульман, НАТО.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский Институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия); rupasov_ai@mail.ru

Rupasov A. I. "The Mask of Neutrality Slips Away". Soviet-Swedish Relations in the late 1940s – early 1950s

ABSTRACT: The article considers the complex of objective reasons behind the deterioration of Soviet-Swedish relations in the late 1940s – early 1950s. A brief "thaw" in Soviet-Swedish relations in 1945–1946, due largely to the Swedish government's policy of "building bridges," was followed by a long period of increasing tensions. The basic contradictions were generated by the position of the Swedish delegation to the UN on a number of international issues (for example, the call for members of the Security Council not to exercise their veto power when considering the peaceful resolution of disputes); the attitude of the Swedish government toward negotiations on the establishment of NATO, the "Marshall Plan" and the "Schuman Plan," the Stockholm initiative on the creation of a neutral Scandinavian Defense Union, and the Swedish side's rejection of expanded Soviet water boundaries in the Baltic sea; and the attitude of Tage Erlander's cabinet to the system of export controls on dual-use goods (CoCom) and its support of the Estonian and Latvian diaspora in Sweden. The main thesis of this treatment of Soviet analytical materials from the late 1940s – early 1950s is the assertion that the Swedish government was hostile to Soviet policy, despite claims of neutrality ("the formal mask of 'neutrality' slips off the face of the Swedish rulers"). But if those in Moscow were aware that the changes affecting Sweden's foreign policy, they were powerless to change Swedish diplomacy and instead focused on identifying the new issues and adapting to them.

KEYWORDS: Sweden, Soviet Union, Baltic, international relations, T. Erlander, ÖUندن, conflicts, Molotov, Malenkov, R. Sohlman, NATO, CoCom.

AUTHOR: Doctor in History, Leading Research, Saint-Petersburg History Institute of the Russian Sciences Academy (Saint-Petersburg, Russia); rupasov_ai@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Aunesluoma J. *Britain, Sweden and the Cold War, 1945–1954. Understanding Neutrality* (New York - Oxford, 2003).
- ² Nilson B. 'Undéns tredje väg: Sverige i det kalla kriget, 1950–1952', *Scandia*, Bd 60. H. 1 (1994).
- ³ Ö. Undén. Pro memoria, 27.2.1950', *UD. 1920 års dossiensystem*, HP 1. Vol. 533.
- ⁴ 'Rolf Sohlman till Sven Dahlman, 10.3.1950', *UD. 1920 års dossiensystem*, HP 1. Vol. 533.
- ⁵ 'Pro memoria angående sammanträde i utrikesdepartamentet den 17 juni 1950 rörande frågan om det ryska territorialvattnets utsträckning m.m.', *UD. 1920 års dossiensystem*, HP 52. Vol. 1958.
- ⁶ 'Erik Kronvall. Årsrapport 1950', *UD. 1920 års dossiensystem*, HP 1. Vol. 536.
- ⁷ Ottosson S. *Svensk självbild under kalla kriget. En studie av stats- och utrikesministrarnas 1950–1989* (Stockholm: Utrikespolitiska Institutet, 2003).
- ⁸ A. M. Filitov, 'Sovetskoe rukovodstvo i evropeiskaia integratsiia (40-e – nachalo 50-kh godov)', *Mir istorii*, no. 6 (2002).
- ⁹ Muschik A. 'Headed towards the West. Swedish neutrality and the German question, 1949–1972', *Contemporary European History*, 15. 4 (2006).
- ¹⁰ Gustavsson J. *The politics of Foreign Policy Change. Explaining the Swedish Reorientation on EC Membership* (Lund, 1998).
- ¹¹ Norén F. 'Filmen i statens tjänst. Civilförsvarsstyrelsens filmaktiviteter under kallakrigsåren 1949–1952', *Historisk tidskrift*, no. 1 (2012).
- ¹² Druzhinin V. 'Tanki v Skandinavii', *Zvezda*, no. 1 (1951).
- ¹³ *UD. 1920 års dossiensystem*, HP 1. Vol. 534.
- ¹⁴ Kronvall O. *Östen Undéns sovjetyn och sovjetpolitik 1945–1962*, Forskningsprogrammet Serige under kalla kriget. Arbetsrapport nr 13 (Stockholm, 2003).
- ¹⁵ Petersson M. "Brödrafolkens väl". *Svensk-norska säkerhetsrelationer 1949–1969* (Stockholm, 2003).
- ¹⁶ *Om kriget kommit... Förberedelser för mottagande av militärt bistånd 1949–1969*, Statens offentliga utredningar 1994:11.
- ¹⁷ 'Rolf Sohlman till t.f. Chefen för UD Dag Hammarskjöld, 16.12.1951', *RA. UD. 1920 års dossiensystem*, HP 1. Vol. 540.
- ¹⁸ 'Ole Jödahl. Pro memoria, 11.4.1951', *RA. UD. 1920 års dossiensystem*, HP. 1. Vol. 537.
- ¹⁹ 'K.H.A. Engström. V.P.M. angående Östersjönloppens betydelse ur rysk synpunkt, 15.2.1951', *RA. UD. 1920 års dossiensystem*, HP 1. Vol. 537.
- ²⁰ Karlsson M. 'Catalina-affären 1952', *Crismart* (2009).
- ²¹ Agrell W. *Fred och fruktan. Sveriges säkerhetspolitiska historia 1918–2000* (Lund, 2000).
- ²² Petersson M. 'Svensk-sovjetiska säkerhetspolitiska relationer 1945–1960 — En översikt' in *Att skåda Sovjetunionen i vitögat. Sex studier kring svenska relationer till Sovjetunionen under det kalla kriget* (Stockholm, 2004).
- ²³ Tage Erlander. *Dagböcker 1952*. Utgivna av Sven Erlander. Gidlunds Förlag, 2002
- ²⁴ Johansson G. *SÄPO-metoder, tjalare och mytomaner* (Bo Cavefors boförlag, 1968).
- ²⁵ J. K. Paasikiven *päiväkirjat. 1944–1956. Toinen osa. 25.4.1949—10.4.1956* (Helsinki, WSOY, 1986).
- ²⁶ Kronvall O. *Den bräckliga barriären. Finland i svensk säkerhetspolitik 1948–1962* (Stockholm: Elanders Gotab, 2003).
- ²⁷ Wahlbäck K. 'Khrushchev and Swedish Foreign Policy, 1953–1964' in *Peaceful Coexistence? Soviet Union and Sweden in the Khrushchev Era*, ed. H. Carlbäck, A. Komarov, K. Molin, *Baltic and East European Studies*, no. 10.